

Научная статья

УДК 81'42:159.942

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16207>

EDN: <https://elibrary/GCQIND>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ОПИСАНИЕ ЭМОЦИЙ», «ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ» И «ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Л.А. Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 larisa11799@yandex.ru

Аннотация. Автор реализует междисциплинарный подход к исследованию проблемы «язык и эмоции», который предполагает одновременный учет основных теоретических положений, сформулированных в лингвистических и психологических трудах, а также разные классификации эмоций. Теоретической основой категоризации эмоций является когнитивный подход. Цель статьи состоит в развернутом обосновании необходимости различать в лингвистических исследованиях не два аспекта, а именно «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций», а три: описание, выражение и отражение эмоций. Неоднородность «языка выражения эмоций», а следовательно, разграничение выражения и отражения эмоций обусловлены тем, что не все эмоции, кодируемые субъектом речи, составляют его речевое намерение. Описание эмоций представляет собой процесс, имеющий место в тех ситуациях, когда объектом познавательной деятельности человека являются сами эмоции. Поэтому при описании эмоций субъект речи обязательно использует слова, называющие эмоции, такие как раздражение/раздражать, возмущение/возмущать, удивление/удивлять, восхищение/восхищать, огорчение/огорчать и под. При выражении эмоций познавательная деятельность человека направлена на фрагмент внешней ситуации, при этом говорящий должен непосредственно переживать соответствующие эмоции в момент речи. С собственно лингвистической точки зрения выражение эмоций связано с намеренным выбором говорящим таких языковых средств, в которых определенные эмоции имеют статус эмотивного компонента значения. Поскольку сфера выражения эмоций – минимальная коммуникативная единица, такие эмоции составляют доминирующий семантический компонент особого коммуникативного типа высказываний, названных автором эмотивными, например: Тоже мне, герой! Отражение эмоций не контролируется субъектом речи, реализуется на значительных фрагментах текста, такие эмоции являются спонтанными, коррелируют с общим эмоциональным состоянием человека; более того, они не имеют специфических языковых средств кодирования, поскольку в определенной степени это зависит и от эмоционального типа личности.

Ключевые слова: эмотивное значение, эмотивные высказывания, текст, интенция, описание эмоций, выражение эмоций, отражение эмоций.

Для цитирования: Пиотровская Л.А. Теоретические основания разграничения терминов «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» в лингвистическом анализе // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 101–117. DOI: 10.18721/JHSS.16207

THEORETICAL FRAMEWORK FOR DEFINITION OF THE TERMS “DESCRIPTION OF EMOTIONS”, “EXPRESSION OF EMOTIONS”, “REFLECTION OF EMOTIONS” AND ITS IMPLEMENTATION IN LINGUISTIC ANALYSIS

L.A. Piotrovskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

 larisa11799@yandex.ru

Abstract. The study adopts an interdisciplinary approach to the “language and emotions” problem, taking into account the basic theoretical linguistic and psychological postulates as well as linguistic and psychological classifications of emotions. Grounded in cognitive theory, the research presents a novel approach, when three (not two — “language of describing emotions” and “language of expressing emotions”) aspects are distinguished: “description of emotions”, “expression of emotions”, and “reflection of emotions”. The heterogeneity of the “language of expressing emotions”, and, consequently, the distinction between expression and reflection of emotions are due to the fact that not all emotions encoded by the subject of speech constitute his communicative intentionality. Emotion description (conscious cognitive processing of emotional states) requires explicit emotion-denoting lexemes (irritation/irritate, disturbance/disturb, astonishment/astonish, admiration/admire, grief/grieve etc.). When expressing emotions, human cognitive activity is aimed at a fragment of the external situation, while the speaker must directly experience the corresponding emotions at the moment of speech. From a strictly linguistic point of view, emotion expression manifests through specialized linguistic markers with emotive meaning components. Since the sphere of expression of emotions is a minimal communicative unit, such emotions constitute the dominant semantic content in emotive utterances (e.g., “Some hero he is!”). Emotion reflection (uncontrolled by the subject of speech) is realized in significant fragments of the text, such emotions are spontaneous, correlate with speaker’s general affective state; moreover, they do not have specific linguistic encoders, since to a certain extent this also depends on the emotional personality type.

Keywords: emotive meaning, emotive utterances, text, intention, description of emotions, expression of emotions, reflection of emotions.

Citation: Piotrovskaya L.A., Theoretical framework for distinguishing the terms “description of emotions”, “expression of emotions”, and “reflection of emotions” in linguistic analysis, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 101–117. DOI: 10.18721/JHSS.16207

Введение

Р. Якобсон, разграничивший шесть функций языка: референциальную, эмотивную, поэтическую, конативную, фатическую и металингвистическую, — одним из первых привлек внимание лингвистов к всестороннему изучению эмотивной функции: «Эмотивная функция, проявляющаяся в междометиях в чистом виде, окрашивает в известной степени все наши высказывания — на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Анализируя язык с точки зрения

передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным (познавательным-логическим) аспектом языка» [1, с. 354].

Несмотря на то что Р. Якобсон подчеркивал, что «язык необходимо исследовать во всем многообразии его функций» [1, с. 353], и сформулировал положение о разных иерархических отношениях между отдельными функциями, тем не менее почти до конца XX века в центре внимания лингвистов оставалась референциальная функция (называемая также когнитивной или денотативной). Это, на наш взгляд, обусловлено двумя причинами.

Во-первых, на протяжении почти всего XX века в лингвистике доминировала научная парадигма структурализма, предполагавшая разработку логического аппарата исследования языковой системы, который не применим к изучению эмотивной функции языка, что повлекло за собой исключение эмоций из объекта научного исследования.

Показательными в этом отношении являются две почти совпадающие по времени оценки, одна из которых принадлежит А. Вежбицкой, обратившейся к изучению проблемы «эмоции и язык» с позиций теории речевых актов, а другая — Ф. Данешу, стороннику функционального подхода к изучению языка, провозглашенного Пражским лингвистическим кружком. А. Вежбицкая, оценивая различные классификации речевых актов, обращала внимание на их уязвимость: «Логика (или некоторые логики)... хотели бы ограничить сферу своих интересов декларативными предложениями плюс, возможно, одним-двумя более удобными не-декларативными типами (такими как вопросительные и императивные предложения), которые можно трактовать с помощью истинно функциональной семантики или другого логического аппарата» [2, с. 289], тогда как «профессиональным долгом лингвистов является описание всех типов высказываний, в том числе таких, как *What a woman!; How silly of me!; Why don't you be quite!; You scoundrel!* и под.» [2, с. 289–290]. Ф. Данеш призывал лингвистов к изучению эмоций, несмотря на неопределенность самого предмета исследования: «И хотя в области эмоциональной границы интересов лингвистики остаются неопределенными, однако преобладающий сегодня относительно односторонний интерес к когнитивным аспектам не должен отодвигать на второй план разработку этой проблемы» [3, с. 96].

Интенсивному развитию эмотиологии способствовало создание в 1985 году Международного центра изучения эмоций при Гарвардском университете. А двумя годами позже на XIV Международном конгрессе лингвистов, состоявшемся в Берлине, исследование проблемы «язык и эмоции» было выделено как одно из пяти приоритетных направлений современной лингвистики. В настоящее время имеется большое количество фонетических, семантических и грамматических работ, посвященных эмоциям в языке, речи и речевой деятельности [4–9 и др.].

Во-вторых, объективной трудностью в разработке проблемы «эмоции и язык» является необходимость применения междисциплинарного подхода, поскольку, с одной стороны, эмоции представляют собой психическое явление, а с другой — эмотивное значение может быть неотъемлемой составляющей семантики различных языковых единиц [10, 11] (см. также обзор работ по нейронаукам [12]).

Перед лингвистом встает вопрос о том, какая классификация эмоций должна быть взята за основу и можно ли выработать собственно лингвистические принципы изучения эмоций. С теоретической точки зрения эта проблема была поставлена в середине XX века в связи с определением принципов семантических исследований. Л. Блумфильд и У. Вайнрайх высказали противоположные точки зрения. Л. Блумфильд настаивал на том, что дескриптивная семантика должна опираться на результаты физиологических исследований, поскольку «значения как психические явления недоступны для наблюдения» [13, с. 28]. У. Вайнрайх же считал такой подход теоретически неприемлемым: «Даже если мы будем располагать, например, физиологической классификацией эмоций, описание семантики слов, называющих эмоции, должно разрабатываться независимо, так же как описание семантики цветоименований может быть

вполне независимым от уже известной психофизиологии зрения» [13, с. 28–29]. В современной лингвистике общепринятым является положение о том, что категоризация эмоций не может быть разработана без опоры на лингвистическую методологию [14].

Полагаем, что когнитивная парадигма позволяет понять, что междисциплинарный подход является более плодотворным, чем поиски строго лингвистического инструментария для исследования эмотивной функции языка. В исследованиях, выполненных с позиций когнитивной парадигмы, по-новому понимается и содержание относительно традиционных терминов (см., например [15]). С учетом этого актуальность темы настоящей статьи обусловлена необходимостью дальнейшей разработки категориального аппарата эмотиологии. Строгой дефиниции требует прежде всего термин «выражение эмоций», поскольку его применение в ряде исследований представляется противоречивым (см. ниже полемику с Е.М. Вольф, А. Вежицкой, а также с Т.М. Ушаковой).

На современном этапе развития эмотиологии границы лингвистики в области эмоций уже не являются неопределенными. В этой связи считаем важным подчеркнуть следующее: поскольку эмоции — это психическое явление, разработка проблемы «эмоции и язык», базирующаяся на когнитивной парадигме, должна учитывать как психологические, так и лингвистические теоретические положения. Из этого следует, что центральной проблемой является отношение между эмоциями и сознанием [16; 17]; решение этой проблемы, по нашему убеждению, должно быть теоретической основой категоризации эмоций в языке и речи (см. также о социокогнитивном подходе к изучению эмоций [18]).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привести развернутое обоснование категоризации эмоций, которая в сжатом виде была представлена нами ранее [19] и отличается от традиционного противопоставления «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций» [20; 21, с. 26], поскольку то, что принято называть выражением эмоций, с когнитивной точки зрения неоднородно. С учетом этого нами предлагается трехчленная модель, в соответствии с которой в лингвистических исследованиях проблемы «язык и эмоции» надо различать три области эмоций: **описание, выражение и отражение эмоций**.

Методология и методика исследования

Представим кратко психологические классификации эмоций. Основные принципы классификации эмоций были сформулированы В. Вундтом в начале XX века, который противопоставил положительные и отрицательные, активные и пассивные, сильные и слабые эмоции. В середине XX века¹ выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн предложил шестичленную систему: 1) физические чувствования удовольствия/неудовольствия, представляющие собой ненаправленные эмоции; 2) предметные чувства, среди которых выделяются интеллектуальные, эстетические и моральные чувства; 3) обобщенные мировоззренческие чувства; 4) аффекты; 5) страсти и 6) настроения [22, с. 574–583]. В соответствии с классической психологической классификацией принято различать аффекты, собственно эмоции и чувства. Результаты, полученные в современных психологических и нейропсихологических работах, свидетельствуют о необходимости различать три основных уровня эмоциональных явлений: эмоциональные реакции, эмоциональные состояния и эмоционально-личностные качества [23, с. 234]. Последняя из названных классификаций представляется наиболее адекватной задачам нашего исследования, поскольку она основана на экспериментальном исследовании. Далее, предлагая категоризацию эмоций, мы будем учитывать два уровня эмоциональных явлений: эмоциональные реакции и эмоциональные состояния, поскольку эмоционально-личностные качества являются объектом сугубо психологического исследования.

¹ Первое издание фундаментального труда С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» вышло в 1940 году.

Охарактеризуем кратко наиболее значимые для целей нашего исследования лингвистические классификации эмоций.

В. Матезиус, один из основоположников Пражского лингвистического кружка, по-видимому, был первым лингвистом, подчеркнувшим неоднородность области эмоций. Он предложил различать три типа эмоций: спонтанные, подавляемые и намеренно выражаемые [24, с. 227]. Используемые им термины свидетельствуют о том, что в основе этой классификации лежит понятие интенции. Не вызывает сомнений, что подавляемые и намеренно выражаемые эмоции, в отличие от спонтанных, связаны с речевой интенцией субъекта речи. К сожалению, эта классификация не получила дальнейшего развития ни в работах В. Матезиуса, ни, насколько нам известно, в трудах других лингвистов.

Большинство современных лингвистических исследований основывается на положении о том, что необходимо различать лишь два аспекта: «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций» [20]. Эти понятия соответствуют двум функциям, согласно Ш. Балли: функции идентификации и функции выражения [25, с. 128–129]. Эмотивная функция языка коррелирует с «языком выражения эмоций», при этом А. Вежбицкая при описании семантики «восклицаний» выделяет семантический компонент “not because I want it” [2, с. 145].

Однако такой подход не принимает во внимание два важных фактора: во-первых, разграничение В. Матезиусом двух типов эмоций – спонтанных и намеренно выражаемых [24]; во-вторых, различие между эмоциональными состояниями и эмоциональными реакциями в соответствии с психологической классификацией [23]. Следовательно, двучленная категоризация эмоций не в полной мере учитывает более сложные отношения между эмоциями и интенцией субъекта речи.

Существует альтернативный подход, представленный в экспериментально-фонетических исследованиях отечественных лингвистов, занимающихся изучением интонации эмоций. Сторонники этого подхода считают необходимым разграничивать два типа эмоций в зависимости от их интонационных коррелятов: интонационное выражение одних эмоций универсально, тогда как другие эмоции имеют специфичные для разных языков интонационные модели [26, с. 45; 27, с. 23–24; 28, с. 64–65]. Н.Д. Светозарова предложила в этой связи различать «общее эмоциональное состояние», например страх, горе, гнев, печаль, беспокойство, счастье, и «эмоциональные значения»², например сомнение, презрение, сожаление. Кроме того, Н.Д. Светозарова сформулировала как лингвистические, а именно интонационные, так и психологические критерии разграничения общего эмоционального состояния и эмотивных значений: «Сфера эмоциональных состояний отличается в целом большей универсальностью, произвольно-стью, характеризует относительно продолжительные отрезки речи, может не зависеть от контекста, проявляется чаще через общую окраску речи. Конкретные эмоциональные значения в большей степени обладают языковой спецификой, они контролируются говорящим и в акте коммуникации обычно являются реакциями на сообщения или ситуацию [28, с. 65]. Обратим внимание на то, что термин «общее эмоциональное состояние», используемый Н.Д. Светозаровой, совпадает с психологическим термином, предложенным Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой для обозначения одного из трех уровней эмоциональных явлений [23]. А выражение «реакции на сообщения или ситуацию» при характеристике эмотивных значений также коррелирует с психологическим термином «эмоциональные реакции». Это, на наш взгляд, свидетельствует о плодотворности обеих классификаций.

Если принять во внимание психологические и лингвистические классификации эмоций, становится очевидным, что двучленная система, предполагающая разграничение только «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций», не может считаться удовлетворительной,

² С учетом того, что в современной эмотиологии принято различать термины «эмотивный» и «эмоциональный», корректнее использовать термин «эмотивные значения». Поэтому далее, за исключением прямого цитирования, нами будет употребляться термин «эмотивные значения».

поскольку она игнорирует различие между эмоциональными состояниями и эмоциональными реакциями, специфика которых обосновывается и психологами, и лингвистами. Иначе говоря, двучленная категоризация эмоций находится в противоречии с положениями, сформулированными как психологами, так и лингвистами. Далее будет представлено обоснование положения о том, что трехчленная категоризация, в соответствии с которой в лингвистическом анализе следует различать описание, выражение и отражение эмоций, в полной мере учитывает как интенцию говорящего, так и способы кодирования эмоций в высказывании и в тексте. В качестве языкового материала приводятся в том числе эмотивные высказывания, необходимость выделения которых как самостоятельного коммуникативного типа была обоснована нами ранее: «...эмотивными мы называем такие высказывания, в сложной коммуникативной задаче которых доминирует намерение говорящего выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к чему-либо» [29, с. 40; 30].

Результаты исследования

Описание эмоций в лингвистическом анализе

Ключевым в содержании термина «описание эмоций», в соответствии с предлагаемой моделью, является то, что речь должна идти исключительно о процессе, имеющем место в тех ситуациях, когда эмоции становятся объектом рефлексии субъекта речи, то есть познавательная деятельность говорящего направлена на сами эмоции. Это обуславливает номинацию эмоций соответствующими словами (реже — словосочетаниями), такими как *раздражение/раздражать*, *возмущение/возмущать*, *удивление/удивлять*, *восхищение/восхищать*, *огорчение/огорчать* и под., например³:

- (1) *Я удивлен, что Вы позвонили мне в воскресенье в девять утра;*
- (2) *Я искренне сочувствую этому герою рассказа.*

Е.М. Вольф подчеркивает, что в ситуации, когда субъект речи описывает свои эмоции, он смотрит на себя как бы со стороны; в этом случае говорящий не испытывает называемые эмоции непосредственно в момент речи: «Когда мы говорим *Мне скучно*, *Он обрадовался*, то здесь ЭС (эмоциональное состояние. — Л.П.) осознается субъектом и интерпретируется с помощью соответствующих предикатов, говорящего в этом случае нельзя отождествить с чувствующим субъектом, он смотрит на себя как бы со стороны, даже если речь идет о самонаблюдении» [31, с. 68]. Соглашаясь в целом с Е.М. Вольф, считаем, однако, важным внести два существенных уточнения. Во-первых, если субъект речи использует слово, называющее соответствующую эмоцию, он может непосредственно переживать называемую эмоцию. Во-вторых, сказанное справедливо по отношению не ко всем высказываниям, включающим номинации эмоций, а только к тем, в которых говорящий называет свое эмоциональное состояние, то есть к высказываниям типа *Мне скучно*, но не к высказываниям типа *Он обрадовался*. Если это происходит, одновременно имеют место два процесса, один из которых представляет собой описание эмоции, а другой — ее выражение.

Таким образом, предложения со словами, называющими эмоции, относятся к «языку описания эмоций», но часть из них, если использовать термины теории поля, может быть на пересечении двух полей — описания и выражения эмоций.

В соответствии с классификацией теории речевых актов, предложенной Дж. Сёрлем [32], такие предложения относятся к репрезентативам (ассертивам). В этой связи разделяем точку зрения чешского лингвиста Р. Зимека, отмечавшего, что в предложениях чешского языка (3), (4) и (5) представлена «рациональная оценка эмоционального состояния»:

- (3) *Je mi líto, že...* ('Мне жаль, что...');

³ Высказывания (3) и (4) сконструированы автором; подобные высказывания, имеющие статус описания эмоций, можно составить и с другими лексическими единицами, называющими определенную эмоцию.

(4) *Zlobím se, protože...* ('Я злюсь, потому что...');

(5) *Je mi teskno* ('Мне тоскливо') [33, с. 102].

Он характеризовал такие предложения также как «перифразы эмоционального состояния» [33, с. 102]. С учетом этого предложения (1), (2), (3), (4) и (5) можно назвать «речевыми актами интерпретации».

Поэтому не представляется возможным согласиться с Т.М. Ушаковой, настаивающей на том, что предложения французского языка (6) и (7) являются эмотивными, поскольку, по мнению исследователя, они содержат слова, «выражающие эмоциональное состояние» [34, с. 109]:

(6) *Je suis furieuse* ('Я в ярости');

(7) *Je suis navrée* ('Мне жаль').

Комментарий Т.М. Ушаковой свидетельствует о том, что автор не разграничивает термины «выражение эмоций» и «описание эмоций»: во-первых, лексемы *furieuse* и *navrée* не выражают, а называют определенные эмоции; во-вторых, подобные высказывания, в соответствии с нашим пониманием, некорректно называть эмотивными⁴. Считаем необходимым подчеркнуть следующее: когда субъект речи использует слова, номинирующие эмоции, это является результатом когнитивного анализа его эмоционального состояния. Следовательно, предложения (6) и (7) являются репрезентативами, хотя в определенной ситуации они могут быть эмоционально окрашенными, но не эмотивными. Отличие эмоционально окрашенных высказываний от эмотивных, в нашем понимании, состоит в иерархических отношениях между двумя типами оценки — рациональной и эмоциональной: в эмотивных высказываниях эмоциональная оценка преобладает над рациональной, тогда как в эмоционально окрашенных высказываниях — наоборот. Другими словами, описание эмоций является когнитивным процессом, который предполагает рациональную оценку внутреннего эмоционального состояния.

Описание эмоций коррелирует с референциальной функцией языка (по классификации Р. Якобсона [1]), тогда как выражение эмоций — с эмотивной функцией.

Выражение эмоций в лингвистическом анализе

Перейдем к рассмотрению второй «области эмоций» — выражению эмоций. Прежде всего необходимо провести параллели между предлагаемой категоризацией эмоций, с одной стороны, и психологическими и лингвистическими классификациями эмоций — с другой. Процесс, называемый нами выражением эмоций, коррелирует со следующими терминами: «намеренно выражаемые эмоции» (по классификации В. Матезиуса [24]), «эмоциональные реакции» (один из трех основных уровней эмоциональных явлений в соответствии с классификацией Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой [23]), а также «конкретные эмоциональные значения» (по классификации Н.Д. Светозаровой [27, 28]), для выражения которых в интонационных системах разных национальных языков существуют уникальные интонационные модели; для обозначения идиоэтнических интонационных моделей, предназначенных для выражения определенных эмоций, нами был предложен термин «эмотивная интонация», в отличие от термина «эмоциональная просодия» [35].

В соответствии с предлагаемой моделью лингвистического исследования проблемы «язык и эмоции» сформулируем существенное различие между описанием и выражением эмоций. При описании эмоции объектом познавательной деятельности субъекта речи является его **внутреннее состояние**, тогда как при выражении эмоции познавательная деятельность говорящего/пишущего направлена на **фрагмент внешней ситуации** (ср. с терминами «аффективная денотация и коннотация» в [36]).

Другой важной характеристикой выражения эмоций считаем то, что этот процесс осознается и контролируется субъектом речи, что можно доказать с опорой на лингвистические критерии.

⁴ Критерии выделения эмотивных высказываний, предложенные нами, будут приведены ниже.

С собственно лингвистической точки зрения это предполагает, что выражение эмоций коррелирует с доминирующей коммуникативной задачей говорящего, то есть выражение эмоций представляет собой особый иллокутивный акт. В этом случае говорящий **выбирает** соответствующие **языковые средства**. Следовательно, изучение выражения эмоций должно основываться на анализе высказывания как минимальной коммуникативной единицы, а не текста. Какие это высказывания?

На наш взгляд, это не могут быть высказывания, называемые в общеграмматических исследованиях восклицательными, поскольку они представляют собой внутренне неоднородный класс: к ним относятся как эмоционально окрашенные повествовательные (например: *Мы же с вами не знакомы!*), вопросительные (например: *Разве мы с вами знакомы?*) и побудительные высказывания (например: *Помогите же хоть кто-нибудь!*), так и собственно эмотивные (например: *Кто бы мог подумать!*; *До чего я устала!*; *Что за прятки на кухне!*; *Ну и конструктора в нашей стране!*; *Это я-то не знаю?*; *А еще друг называется!*; *Он еще и кофе попивает!*; *Вот тебе и разогрела!*).

Кроме того, в работах, посвященных классификации речевых актов, термин «восклицания» имеет иное значение — он называет особый тип речевых актов [2, с. 330–339; 37; 38, с. 250–254 и др.]. Д. Эллиот первым из лингвистов применил перформативный анализ к восклицаниям, обратив внимание на то, что предложения типа *How beautiful these flowers are!* «могут встраиваться... в качестве тематического дополнения (subject complement) группы предикатов, включая *amazing*, *fascinating*, *incredible* и под.» [37, с. 232], например: *How beautiful these flowers are!* → *It's amazing/incredible/unbelievable how beautiful these flowers are*. Классификация речевых актов, разработанная А. Вежбицкой, основана на семантическом анализе 270 речеактовых глаголов английского языка, таких как *suggest*, *request*, *criticize*, *hint*, *boast*, *complain*, *accuse*, которые объединены в 47 групп [38]. Она квалифицирует восклицания как эмотивный речевой акт на том основании, что в их семантической структуре имеется эмотивный компонент ‘I feel smth’, а не ‘I say that I feel smth’. Однако согласиться полностью с А. Вежбицкой не позволяет тот факт, что семантический компонент ‘I feel smth’ она выделяет, характеризуя не только the EXCLAIM group, но и другие, такие как the REPRIMAND group, the BLAME group, the ACCUSE group, the ATTACK group, the PRAISE group и the COMPLAIN group. На наш взгляд, не все перечисленные группы действительно относятся к эмотивным речевым актам (см. критерии выделения эмотивных речевых актов ниже).

Поэтому при выявлении когнитивной природы выражения эмоций использовать в полной мере классификацию речевых актов, предложенную А. Вежбицкой, не представляется возможным. Кроме того, неоднозначность термина «восклицание» не способствует корректному разграничению «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций». В соответствии с разработанной ранее нами теорией, выражение эмоций как осознаваемый и контролируемый процесс реализуется прежде всего в высказываниях, названных нами эмотивными и имеющих статус эмотивных речевых актов, которые выделяются при одновременном соблюдении трех критериев [29, с. 32–45].

Во-первых, эмотивные высказывания относятся к «языку выражения эмоций», а не к «языку описания эмоций». Это означает, что говорящий непосредственно переживает определенные эмоции в момент речи (эта психологическая характеристика является общей как для выражения, так и для отражения эмоций). Свидетельством этого является наличие в семантической структуре эмотивных речевых актов компонента, коррелирующего с иллокутивной силой (иллокутивной целью) именно выражения, а не описания эмоций.

Во-вторых, специфической семантической характеристикой эмотивных речевых актов является преобладание эмоциональной оценки над рациональной. Ср. первые высказывания в следующих примерах⁵:

⁵ Первое высказывание в примере (8) построено по одной из типизированных эмотивных синтаксических моделей. Исключение из его состава структурообразующей частицы *какой* (пример (9)) принципиально меняет тип синтаксической модели и, соответственно, коммуникативный тип высказывания [30].

(8) *Какая ты прекрасная хозяйка! И прекрасно готовишь, и дом содержишь в идеальном порядке;*

(9) *Ты — прекрасная хозяйка! И прекрасно готовишь, и дом содержишь в идеальном порядке.*

Высказывания типа (8) являются эмотивными, в отличие от высказываний типа (9). Доказательством этого является невозможность употребления эмотивных высказываний в качестве зависимой пропозиции при глаголе мнения-оценки считать; ср. трансформации первых высказываний из примеров соответственно (8) и (9):

(10) **Я считаю, какая ты прекрасная хозяйка;*

(11) *Я считаю, что ты — прекрасная хозяйка.*

В отличие от псевдопредложения (10), предложение (11) является корректным.

В-третьих, для описания иллокутивной силы эмотивных речевых актов нами было предложено использовать предложение метаязыка, в котором содержится семантическое представление высказывания. Такое предложение должно включать слова, называющие эмоцию, переживаемую субъектом речи; характеризующие причину эмоции или объект эмоциональной оценки, а также указание на субъекта речи, например⁶:

(12) *Что за идиотская манера звонить в девять утра!* → ‘Меня удивляет и возмущает привычка некоторых людей звонить рано утром’.

Таким образом, в отличие от описания эмоций, что коррелирует с репрезентативами, выражение эмоций представлено прежде всего в особом типе речевых актов, названных нами эмотивными (эмотивными высказываниями). Однако считаем важным сформулировать следующее положение: корреляция между описанием и выражением эмоций, с одной стороны, и репрезентативами и эмотивными речевыми актами — с другой, не является абсолютной. Существует один тип высказываний, которые не являются эмотивными в нашем понимании, однако относятся к «языку выражения эмоций». Это репрезентативы, содержащие в своем составе такие оценочные слова, как *прекрасный, великолепный, ужасный, восхитительный, удивительный, невероятный* и под., например⁷:

(13) *Он великолепный мастер!*

(14) *Ты удивительная женщина!*

Значение оценочных слов представляет собой гетерогенное содержание: с одной стороны, они характеризуют объект действительности, на который направлен познавательный процесс; с другой — говорящий намеренно выражает свою эмоциональную оценку этого объекта. Иначе говоря, в семантике лексем типа *удивительный* содержится эмотивно-оценочный компонент, который «имплицитивно связан с соответствующим дескриптивным» [39, с. 30]. Это значит, что слова *прекрасный, великолепный, ужасный, восхитительный, удивительный, невероятный*, которые говорящий использует для характеристики объекта познавательной деятельности, имплицитно указывают положительную или отрицательную эмоциональную оценку. Е.М. Вольф, сравнивая подобные высказывания, в состав которых входят разные личные местоимения, полагает, что объектом эмоциональной оценки может быть либо говорящий, либо слушающий, на которых указывают местоимения соответственно первого или второго лица (то есть пример (14)), тогда как объектом рациональной оценки обычно является третье лицо (соответственно пример (13) с местоимением третьего лица) [39, с. 169]. Нам такой вывод представляется противоречивым, поскольку в обоих высказываниях сообщается о мнении-оценке. Об этом свидетельствует тот факт, что высказывания типа и (13), и (14) могут употребляться в качестве зависимой пропозиции при глаголе *считать*, что противоречит одному из трех предложенных нами критериев выделения эмотивных высказываний; а значит, они не являются эмотивными; ср. две трансформации:

⁶ Эмотивное высказывание (12) тоже построено по типизированной эмотивной синтаксической модели со структурообразующей частью *что за* [30].

⁷ Пример (13) взят из работы Е.М. Вольф [39, с. 169]; в примере (14), созданном автором данной статьи, использованы другое оценочное слово и другое личное местоимение.

(15) *Я считаю, что он великолепный мастер;*

(16) *Я считаю, что ты удивительная женщина.*

Противопоставляя описание эмоций и выражение эмоций в лингвистическом анализе, считаем необходимым подчеркнуть следующее: несмотря на то что предложения типа (13) и (14) могут употребляться в качестве зависимой пропозиции при глаголе *считать*, однако из этого не следует, что эти предложения относятся к области описания эмоций. Несмотря на то что говорящий описывает объект объективной действительности, тем не менее он не называет непосредственно свою внутреннюю эмоциональную оценку. На наш взгляд, при описании эмоций субъект речи должен дифференцировать конкретную эмоцию, что предполагает обязательное использование слов, называющих соответствующую эмоцию.

Различия между двумя типами высказываний, одни из которых являются эмотивными типа (8), (12), а другие — эмоционально окрашенными репрезентативами типа (9), (13), (14), обусловлено их семантической структурой. Главный, на наш взгляд, критерий их разграничения следующий: в эмотивных высказываниях эмоциональная оценка доминирует над рациональной, тогда как в эмоционально окрашенных репрезентативах с оценочными словами типа *прекрасный*, напротив, доминирует рациональная оценка. С учетом этого высказывания типа (9), (13) и (14) следует отнести к области выражения эмоций, однако подчеркнем, что в соответствии с теорией поля они находятся на периферии «языка выражения эмоций».

Выражение vs отражение эмоций в лингвистическом анализе

В завершение сравним выражение и отражение эмоций, которые не различаются многими лингвистами. То, что нами предлагается называть отражением эмоций, коррелирует с терминами «физические чувствования» (непредметные эмоции) в соответствии с классификацией С.Л. Рубинштейна [22], «спонтанные эмоции» по классификации В. Матезиуса [24], и «(общее) эмоциональное состояние» в понимании Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой [23], а также Н.Д. Светозаровой [27, 28].

В отличие от отражения эмоций, выражение эмоций составляет коммуникативное намерение субъекта речи; следовательно, выбор адекватных языковых средств, по нашему мнению, осуществляется им осознанно и контролируется. Важно также обратить внимание на то, что говорящий выбирает такие языковые средства, в семантической структуре которых имеется эмотивный компонент.

Спонтанные эмоции можно охарактеризовать как ненамеренные. Неосознаваемость таких эмоций обусловлена тем, что отражение эмоций говорящего в момент речи не зависит от его намерения. Кроме того, есть все основания утверждать, что, в отличие от выражения эмоций, которое предполагает использование говорящим конвенциональных языковых средств, отражение эмоций обладает большой вариативностью, обусловленной, на наш взгляд, в значительной степени тем, к какому эмоциональному типу личности относится говорящий. В этой связи приведем классификацию эмоциональных типов личностей, предложенную С.Л. Рубинштейном в середине XX века, который разграничил собственно эмоциональные, сентиментальные и страстные натуры, подчеркнув, что различия между ними «характерологически очень существенные и глубокие»: «Собственно эмоциональные натуры переживают свои чувства, отдаваясь их вибрациям; сентиментальные натуры, скорее, созерцают свои чувства, любясь их переливами; натуры страстные живут своим чувством, воплощая его напряжение в действии» [22, с. 584].

Сформулируем еще один критерий: различие между выражением и отражением эмоций состоит в том, что выражение эмоций осуществляется в минимальной коммуникативной единице, каковой является высказывание, тогда как сферой отражения эмоций является текст или значительная по объему часть текста.

Полагаем, что эмоции отражаются также в особой ситуации, которую Э.Л. Носенко предложила называть состоянием эмоциональной напряженности: «...состояние эмоциональной напряженности... следует квалифицировать как отражение (непосредственно чувственное переживание) субъектом несоответствия между его жизненно важными потребностями (мотивами), с одной стороны, и явлениями действительности и вероятностью успешной реализации деятельности, отвечающей потребностям субъекта, с другой» [40, с. 20–21]. Э.Л. Носенко подчеркивает, что в этом состоянии человек испытывает только отрицательные эмоции, такие как страх, гнев, отчаяние, беспокойство, подавленность, которые психологи связывают с психологическим стрессом. В этой же работе описаны различные изменения в речи говорящего на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Назовем лишь некоторые из них: большое количество клише, пауз хезитации, резкое увеличение некорректируемых ошибок, нерелевантных повторов, грамматически незавершенных предложений, затруднения в выборе слов, существенное снижение словарного разнообразия, употребление слов с выраженной позитивной/негативной оценкой, телеграфный стиль и другие.

Для разграничения выражения и отражения эмоций считаем важным также определить, различается ли «список» разных эмоций, одни из которых выражаются, а другие отражаются в речи. Частично ответ на этот вопрос был дан Э.Л. Носенко, однако, на наш взгляд, отражение эмоций не ограничивается состоянием эмоциональной напряженности, а следовательно, при отражении эмоций субъект речи может испытывать и положительные эмоции, например воодушевление. Можно согласиться с Н.Д. Светозаровой, которая при разграничении общего эмоционального состояния (в соответствии с нашей моделью — отражением эмоций) и конкретных эмотивных значений (в нашем понимании — выражения эмоций) предложила следующий критерий. Если мы хотим составить список эмотивных значений, за основу можно взять эмотивные значения, выражаемые лексическими и грамматическими языковыми средствами: «Так, эмоция сожаления может быть обозначена через междометие *увы*, уверенность — словами *конечно, непременно*, вызов — оборотом *а как же!* При описании же общих эмоциональных состояний, как волнение, страх или печаль, писатели вынуждены обращаться к комментариям, ремаркам» [28, с. 65; 27, с. 23].

С теоретической точки зрения это можно объяснить следующим образом. Если рассматривать систему конвенциональных, специфичных для разных языков средств выражения эмоций, следует принимать во внимание прежде всего те эмоции, которые в процессе исторического развития языка закрепились в качестве эмотивного компонента значения языковых единиц. Поскольку синтаксические модели эмотивных высказываний, описанные нами ранее [29; 30 и др.], закрепились в процессе исторического развития языка, их семантический анализ позволяет определить «список» эмотивных значений, коррелирующих с эмоциями, которые намеренно выражаются субъектом речи. Приведем перечень основных эмоций, которые были выделены нами в качестве доминирующего эмотивного компонента значения эмотивных высказываний русского языка: удивление, неприятное удивление, радостное удивление, изумление, разочарование, сожаление, вина, пренебрежение, презрение, издевка, эмоциональное отрицание, ирония и другие.

Что же касается перечня эмоций, которые преимущественно отражаются в речи, полагаем, что для их выделения надо обращаться к психологическим работам. Очевидно, что составление таких «списков» разных эмоций составляет перспективу исследования. Кроме того, полагаем, что возможны и зоны пересечения, то есть возможны эмоции, которые в одних ситуациях выражаются, а в других — отражаются, например восхищение.

Завершая сравнение выражения и отражения эмоций в процессе лингвистического анализа, назовем три основных параметра, по которым они различаются:

- 1) сфера функционирования;

- 2) намеренность и контролируемость;
- 3) типы эмоций.

Считаем возможным предложить и такую сравнительную характеристику этих двух процессов: при выражении эмоций человек управляет своей речью, тогда как при отражении эмоций эмоции управляют речью человека.

Заключение

В конце XX века на смену принципу решения теоретических проблем лингвистики «или/или» пришел принцип «и/и», то есть лингвист, изучающий проблему «эмоции и язык», должен учитывать и результаты психологических исследований. В этом и состоит междисциплинарный подход к категоризации эмоций, основанный на когнитивной парадигме.

Категоризация эмоций в лингвистических исследованиях предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- взаимодействие между интеллектуальной (рациональной) и эмоциональной оценками позволяет разграничить прежде всего описание и выражение эмоций: доминирование рациональной оценки является надежным маркером **описания эмоций**, тогда как **выражение эмоций** характеризуется доминированием эмоциональной оценки;
- соотношение контролируемых и неконтролируемых психических процессов является критерием разграничения выражения и отражения эмоций: намеренный выбор субъектом речи эмоциональных языковых средств, как лексических, так и синтаксических, является показателем **выражения эмоций**; при **отражении же эмоций** говорящий не контролирует в полной мере свою речь;
- специфика универсальных и идиоэтнических интонационных средств кодирования эмоций также может быть критерием разграничения выражения и отражения эмоций: для **выражения эмоций** в языке существуют идиоэтнические эмотивные интонационные модели, тогда как **отражение эмоций** в большой степени универсально;
- психологические и лингвистические классификации эмоций: сравнение разных классификаций эмоций показало, что плодотворным является разграничение эмоциональных реакций, которые в высказывании представлены как эмотивные значения, и общего эмоционального состояния.

Анализ лингвистических работ, посвященных рассматриваемой проблеме, свидетельствует о том, что категориальный аппарат эмотиологии находится в стадии разработки. Об этом свидетельствует противоречивое и непоследовательное разграничение прежде всего терминов «описание эмоций» и «выражение эмоций», хотя соответствующие понятия были введены в научный оборот в 60-е годы XX века. Поэтому не представляется возможным полностью согласиться ни с концепцией Е.М. Вольф, ни с классификацией А. Вежбицкой.

Наиболее размытыми по содержанию являются термины «воскливания» как название одного типа речевых актов и «восклицательные высказывания» (этот термин широко используется в общеграмматических работах). Поэтому нами предлагаются соответственно другие термины: 1) «эмотивные высказывания», в которых доминирующей целью является намерение говорящего выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к чему-либо; 2) «эмоционально окрашенные высказывания», в которых выражение эмоций осложняет другую, главную коммуникативную задачу.

Категоризация эмоций в соответствии с когнитивной парадигмой требует междисциплинарного подхода, поскольку, с одной стороны, эмоции представляют собой психическое явление, а с другой — они кодируются в языке и речи. Принятое в лингвистике разграничение только двух терминов: «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций» — не в полной мере соответствует характеристике эмоций в психологии, поскольку то, что называется выражением эмоций, с когнитивной точки зрения неоднородно. Поэтому нами предложена трехчленная категоризация

эмоций, в соответствии с которой следует различать описание эмоций, выражение эмоций и отражение эмоций.

Описание эмоций обязательно предполагает использование субъектом речи слов, называющих эмоции, таких как *раздражать, возмущать, удивлять, восхищать, огорчать* и под., поскольку эмоции становятся объектом познавательной деятельности человека. В то же время высказывания, включающие в свой состав номинации эмоций, могут находиться на пересечении полей описания эмоций и выражения эмоций, если субъект речи, во-первых, называет свои эмоции, во-вторых, в момент речи непосредственно переживает соответствующие эмоции.

Выражение эмоций связано с намеренным выбором говорящим таких языковых средств, в которых определенные эмоции имеют статус эмотивного компонента значения. Познавательная деятельность субъекта речи направлена на какой-либо фрагмент объективной действительности или на ситуацию общения. Поскольку сфера выражения эмоций – минимальная коммуникативная единица, такие эмоции составляют доминирующий семантический компонент прежде всего особого коммуникативного типа высказываний, названных нами эмотивными; эти высказывания образуют также особый тип речевых актов. На периферии поля «выражение эмоций» находятся эмоционально окрашенные репрезентативы (в традиционной терминологии – повествовательные высказывания), в которых используются оценочные слова типа *прекрасный, ужасный*, имплицитно определяющие определенную эмоциональную реакцию.

Отражение эмоций не контролируется субъектом речи, реализуется на значительных фрагментах текста, коррелирует с общим эмоциональным состоянием человека и не имеет специфических языковых средств кодирования, поскольку в определенной степени зависит и от эмоционального типа личности.

Предложенное нами разграничение в лингвистическом анализе трех терминов: «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» – может быть использовано в разных лингвистических исследованиях: для изучения семантики слов, высказываний и текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Jacobson R.** Linguistics and poetics: Concluding statement // *Style in Language* / ed. by Th.A. Sebeok. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960. P. 350–377.
2. **Wierzbicka A.** *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language.* Sydney; New York: Academic Press, 1980. XI, 367 p.
3. **Daneš F.** Intonace v textu (promluvě) // *Slovo a slovesnost.* 1982. Číslo 2. S. 83–100.
4. **Goddard C.** Vocabulary of emotions and its development in English, German and other languages // *Language and Emotion: An International Handbook.* Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin. Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 511–531. DOI: 10.1515/9783110347524-024
5. **Lewandowska-Tomaszczyk B., Wilson P.A.** Morphology and emotion // *Language and Emotion: An International Handbook.* Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin. Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 423–441. DOI: 10.1515/9783110347524-020
6. **Nandwani P., Verma R.** A review on sentiment analysis and emotion detection from text // *Social Network Analysis and Mining.* 2021. Vol. 11, No 1. Art. no. 81. DOI: 10.1007/s13278-021-00776-6
7. **Озюменко В.И., Ларина Т.В.** Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе // *Russian Journal of Linguistics.* 2021. Т. 25, № 3. С. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766
8. **Петросян М.М., Киселева Л.А.** Специфика репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей) // *Terra Linguistica.* 2024. Т. 15, № 4. С. 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408
9. **Пиотровская Л.А., Трушелёв П.Н.** Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // *Russian Journal of Linguistics.* 2020. Т. 24, № 4. С. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016

10. **Alba-Juez L.** Affect and emotion // *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics* / ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 340–362. DOI: 10.1017/9781108954105.019
11. **Lindquist K.A.** Language and emotion: Introduction to the special issue // *Affective Science*. 2021. Vol. 2, No 2. P. 91–98. DOI: 10.1007/s42761-021-00049-7
12. **Satpute A.B., Lindquist K.A.** At the neural intersection between language and emotion // *Affective Science*. 2021. Vol. 2, No 2. P. 207–220. DOI: 10.1007/s42761-021-00032-2
13. **Weinreich U.** Lexicographic definition in descriptive semantics // *International Journal of American Linguistics*. 1962. Vol. 28: Problems in Lexicography. No 2. P. 25–43.
14. **Ortony A.** Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. Vol. 17, No 1. P. 41–61. DOI: 10.1177/1745691620985415
15. **Чернявская В.Е.** Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 1 (38). С. 54–61.
16. **Storbeck J.** Cognitive approaches to emotion and semantics // *Language and Emotion: An International Handbook*. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 147–159. DOI: 10.1515/9783110347524-007
17. **Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S.** Relevance and emotion // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 181. P. 259–269. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.001
18. **Weatherall A., Robles J.S.** How emotions are made to do things: An introduction // *How Emotions are Made in Talk* / ed. by J.S. Robles, A. Weatherall. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. P. 1–24. DOI: 10.1075/pbns.321.int
19. **Пиотровская Л.А.** Эмоции в языке и речевой деятельности: описание, выражение и отражение эмоций // *Когнитивные исследования языка. Вып. 22: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике*. СПб., 2015. С. 776–781.
20. **Hall E.W.** *Our Knowledge of Fact and Value*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961. 220 p.
21. **Daneš F.** Kognitivnost a emocionálnost v promluvné interakci // *Jazykovědné aktuality*. 1987. Ročník 24, Číslo 1–2. S. 24–27.
22. **Рубинштейн С.Л.** *Основы общей психологии*. СПб.: Питер Ком, 1999. 720 с.
23. **Хомская Е.Д., Батова Н.Я.** *Мозг и эмоции: нейропсихологическое исследование*. 2-е изд. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 268 с.
24. **Mathesius V.** *Čeština a obecný jazykozpyt: Soubor statí*. Praha: Melantrich, 1947. 463 s.
25. **Балли Ш.** *Французская стилистика* / пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
26. **Николаева Т.М.** *Фразовая интонация в славянских языках*. М.: Наука, 1977. 279 с.
27. **Светозарова Н.Д.** *Интонационная система русского языка*. Ленинград: Изд-во Ленинг. ун-та, 1982. 175 с.
28. **Светозарова Н.Д.** *Интонация в художественном тексте*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 180 с.
29. **Пиотровская Л.А.** *Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков)*. СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. ун-та, 1994. 146 с.
30. **Пиотровская Л.А.** *Эмотивные высказывания в современном русском языке*. СПб.: Образование, 1993. 72 с.
31. **Вольф Е.М.** *Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов* / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
32. **Searle J.R.** A classification of illocutionary acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5, No 1. P. 1–23.
33. **Zimek R.** Odras emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // *Otázky slovan-ské syntaxe*. IV/2. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1981. S. 99–103.
34. *Французский язык в свете теории речевого общения* / общ. ред. Т.А. Репиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 216 с.
35. **Piotrovskaya L.** Emotional Prosody and Emotive Intonation // *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*. Barcelona, 2003. P. 2949–2952. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2949.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

36. **Soriano C.** Affective meaning in language // *Language and Emotion: An International Handbook*. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 489–510. DOI: 10.1515/9783110347524-023
37. **Elliot D.E.** Toward a grammar of exclamations // *Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy*. 1974. Vol. 11, No 2. P. 231–246.
38. **Wierzbicka A.** *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Sydney; Orlando: Academic Press, 1987. VIII, 387 p.
39. **Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
40. **Носенко Э.Л.** Эмоциональное состояние и речь. Киев: Вища школа, 1981. 132 с.

REFERENCES

- [1] **Jacobson R.**, Linguistics and poetics: Concluding statement, *Style in Language*, ed. by Th. A. Sebeok, Massachusetts Institute of Technology Press, Cambridge, 1960, pp. 350–377.
- [2] **Wierzbicka A.**, *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*, Academic Press, Sydney, New York, 1980.
- [3] **Daneš F.**, Intonace v textu (promluvě) [Intonation in text (utterance)], *Slovo a slovesnost* [Word and language art], 2 (1982) 83–100.
- [4] **Goddard C.**, Vocabulary of emotions and its development in English, German and other languages, *Language and Emotion: An International Handbook*, vol. 1, ed. by G. L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 511–531. DOI: 10.1515/9783110347524-024.
- [5] **Lewandowska-Tomaszczyk B., Wilson P.A.**, Morphology and emotion, *Language and Emotion: An International Handbook*, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 423–441. DOI: 10.1515/9783110347524-020
- [6] **Nandwani P., Verma R.**, A review on sentiment analysis and emotion detection from text, *Social Network Analysis and Mining*, 11 (1) (2021) 81. DOI: 10.1007/s13278-021-00776-6
- [7] **Ozyumenko V. I., Larina T. V.**, Threat and fear: pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse, *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3) (2021) 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766
- [8] **Petrosyan M.M., Kiseleva L.A.**, Specificity of representation of the category of emotiveness in Russian and English media medical discourse (based on the material of doctors' blogs), *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408.
- [9] **Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N.**, What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks, *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4) (2020) 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016
- [10] **Alba-Juez L.**, Affect and emotion, *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*, ed. by M. Haugh, D.Z. Kádár, M. Terkourafi, Cambridge University Press, Cambridge, 2021, pp. 340–362. DOI: 10.1017/9781108954105.019
- [11] **Lindquist K.A.**, Language and emotion: Introduction to the special issue, *Affective Science*, 2 (2) (2021) 91–98. DOI: 10.1007/s42761-021-00049-7
- [12] **Satpute A.B., Lindquist K.A.**, At the neural intersection between language and emotion, *Affective Science*, 2 (2) (2021) 207–220. DOI: 10.1007/s42761-021-00032-2
- [13] **Weinreich U.**, Lexicographic definition in descriptive semantics, *International Journal of American Linguistics*, 28, Problems in Lexicography (2) (1962) 25–43.
- [14] **Ortony A.**, Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct, *Perspectives on Psychological Science*, 17 (1) (2021) 41–61. DOI: 10.1177/1745691620985415
- [15] **Tcherniavskaia V.E.**, Discourse paradigm: phantom objects and syndromes, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (38) (2014) 54–61.
- [16] **Storbeck J.**, Cognitive approaches to emotion and semantics, *Language and Emotion: An International Handbook*, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 147–159. DOI: 10.1515/9783110347524-007
- [17] **Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S.**, Relevance and emotion, *Journal of Pragmatics*, 181 (2021) 259–269. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.001

[18] **Weatherall A., Robles J.S.**, How emotions are made to do things: An introduction, *How Emotions are Made in Talk*, ed. by J.S. Robles, A. Weatherall, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2021, pp. 1–24. DOI: 10.1075/pbns.321.int.

[19] **Piotrovskaya L.A.**, Emotions in language and language behaviour: description, expression and reflection of emotions, *Cognitive Studies of Language*, Vol. 22, *Language and Cognition in the Interdisciplinary Paradigm: Papers of International Congress on Cognitive Linguistics*, St. Petersburg, 2015, pp. 776–781.

[20] **Hall E.W.**, *Our Knowledge of Fact and Value*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1961.

[21] **Daneš F.**, Kognitivnost a emocionálnost v promluvové interakci [Cognitivity and emotionality in verb interaction], *Jazykovědné aktuality [The actual issues on linguistics]*, 24 (1–2) (1987) 24–27.

[22] **Rubinshteyn S.L.**, *Osnovy obshchey psikhologii [The foundations of common psychology]*, Piter Kom, St. Petersburg, 1999, 720 p.

[23] **Khomskaya Ye.D., Batova N.Ya.**, *Mozg i emotsii: neyropsikhologicheskoye issledovaniye [Brain and emotions: neuropsychological research]*, 2nd ed., Rossiyskoye pedagogicheskoye agentstvo, Moscow, 1998.

[24] **Mathesius V.**, *Čeština a obecný jazykozpyt: Soubor statí [Czech and common linguistics: The collection of papers]*, Melantrich, Praha, 1947.

[25] **Bally Ch.**, *Frantsuzskaya stilistika [The French stylistics]*, transl. by K.A. Dolinin, Izdatelstvo inostrannoy literatury [Publishing house of foreign literature], Moscow, 1961.

[26] **Nikolayeva T.M.**, *Frazovaya intonatsiya v slavyanskikh yazykakh [Intonation of utterance in Slavonic languages]*, Nauka [Science], Moscow, 1977.

[27] **Svetozarova N.D.**, *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka [The Russian intonation system]*, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta [Leningrad University Press], Leningrad, 1982.

[28] **Svetozarova N.D.**, *Intonatsiya v khudozhestvennom tekste [Intonation in literary text]*, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Press], St. Petersburg, 2000.

[29] **Piotrovskaya L.A.**, *Emotivnyye vyskazyvaniya kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) [Emotive utterances as the object of linguistic research (based on the Russian and Czech languages)]*, Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Faculty of Philology], St. Petersburg, 1994.

[30] **Piotrovskaya L.A.**, *Emotivnyye vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke [Emotive utterances in contemporary Russian]*, Obrazovaniye [Education], St. Petersburg, 1993.

[31] **Volf Ye.M.**, *Emotsionalnyye sostoyaniya i ikh predstavleniye v yazyke [Emotive utterances and their representation in language]*, *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensionalnykh i pragmaticeskikh kontekstov [The logical analysis of language. The problems of intentional and pragmatic contexts]*, ed. by N.D. Arutyunova, Nauka [Science], Moscow, 1989.

[32] **Searle J.R.**, A classification of illocutionary acts, *Language in Society*, 5 (1) (1976) 1–23.

[33] **Zimek R.**, *Odras emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi [The reflection of emotionality in semantic and grammatical structure of utterance]*, *Otázky slovanské syntaxe [Questions on the Slavonic languages]*, IV (2), Universita J. E. Purkyně, Brno, 1981, pp. 99–103.

[34] *Frantsuzskiy yazyk v svete teorii rechevogo obshcheniya [The French language according to theory of speech communication]*, ed. by T.A. Repina, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Press], St. Petersburg, 1992.

[35] **Piotrovskaya L.**, *Emotional Prosody and Emotive Intonation*, *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*, Barcelona, 2003, pp. 2949–2952. Available at: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2949.pdf (accessed 10.06.2025).

[36] **Soriano C.**, *Affective meaning in language*, *Language and Emotion: An International Handbook*, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 489–510. DOI: 10.1515/9783110347524-023

[37] **Elliot D.E.**, *Toward a grammar of exclamations*, *Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy*, 11 (2) (1974) 231–246.

[38] **Wierzbicka A.**, *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*, Academic Press, Sydney, Orlando, 1987.

[39] **Volf Ye.M.**, *Funktsionalnaya semantika otsenki [The functional semantics of estimation]*, Nauka [Science], Moscow, 1985.

[40] **Nosenko E.L.**, *Emotsionalnoye sostoyaniye i rech [Emotional state and speech]*, Vishcha shkola [Higher school], Kyiv, 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Пиотровская Лариса Александровна

Larisa A. Piotrovskaya

E-mail: larisa11799@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>

Поступила: 26.04.2025; Одобрена: 05.06.2025; Принята: 30.06.2025.

Submitted: 26.04.2025; Approved: 05.06.2025; Accepted: 30.06.2025.